

28 января (10 февраля)

Священномученик
Игнатий (Садковский),
епископ Скопинский, викарий Рязанской епархии

Священномученик Игнатий родился 21 октября 1887 года в Москве в семье священника Сергея Максимовича Садковского, служившего в Георгиевской на Всполье церкви, и в крещении наречен был, как и его отец, Сергеем. Впоследствии священник Сергей Максимович Садковский был переведен в Петропавловский храм на Новой Басманной улице, а затем, уже будучи в сане протоиерея, в Софийскую церковь на Лубянке.

В 1901 году Сергей окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1907-м – Московскую Духовную семинарию и поступил в Московскую Духовную академию. В академии он с усердием принялся за изучение творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Изучение трудов благодатного и опытного в духовной жизни святителя, частые поездки в Зосимову пустынь, в которой в то время жили духоносные старцы и подвижники, воспитание, полученное в благочестивой семье, собственное устремление к благочестию и почести высшего звания Христова привели Сергея к решению принять монашество.

11 декабря 1910 года он был пострижен в мантию с именем Игнатий. Священноинок, совершавший обряд, после пострига написал ему наставление, которое новопостриженный сохранил в сердце своем на всю жизнь.

«Возлюбленный брат и отец Игнатий!

Преосвященный Феодор* благословил мне постричь тебя и дать тебе это имя. Имя твоё – Игнатий – в честь священномученика Игнатия Богоносца – 20 декабря и в память святителя Игнатия (Брянчанинова), о котором ты пишешь сочинение. Теперь скажу тебе от себя малое слово. Между вопросами и ответами при пострижении ты принял заповедь о всегдашней постоянной молитве Иисусовой, для чего тебе дан меч духовный (четки). Это – первое твоё дело будет отныне как монаха. Об этой молитве говорит Слово Божие. В Евангелии Спаситель говорит: «именем Моим бесы ижденут» (Мк. 16, 17). А в каждом человеке много страстей и других неподобных помыслов, в Псалтири сказано: *обыдоша мя пси мнози* (Пс. 21, 17). Отцы толкуют, что это говорится о помыслах. Ещё сказано: *обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 11). А имя-то Господне и есть Сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, которое мы непрестанно должны повторять, творя молитву Иисусову. И ещё сказано в 19-й кафизме: *дщи Вавилоня окаянная... блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень*. Камень – это Христос, а младенцы – блудные, нечистые помыслы. Как только что явятся помыслы, твори молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». И Господь поможет тебе побороть их. Молитва Иисусова очищает нас. Как солнце ходит над землею, высушивает болотистые и скаредные места, так и Сладчайшее имя Господа Иисуса Христа, если ты навикнешь его повторять непрестанно, будет иссушать все твои помыслы и страсти, очистит твою душу и тело. Это твоё первое дело отселе,

* Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский и ректор Московской Духовной академии.

как монаха.

И еще тебе необходимо всегда помнить смирение и самоукорение. Ты должен научиться постоянно видеть свои грехи и недостатки и не превозноситься над другими, а всегда себя укорять, чтобы почитать себя грешнее всех, во всем обвинять себя и никого не осуждать, чувствовать, что ты хуже всех, и не оправдывать себя, что в твоих грехах виноваты другие. И так непрерывным смирением, самоукорением соблюдай себя от гордости. Ты – ученый и можешь своею ученостию возгордиться пред простецами. Когда придут тебе на сердце такие помыслы, вспомни, что монаху нужно иметь самоукорение и считать себя хуже всех. “Господь гордым противится, смиренным же дает благодать” (Притч. 3, 34; Иак. 4, 6). Пришли однажды старцы к авве Антонию, и с ними был авва Иосиф. Старец, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и начал спрашивать каждого, начав с младшего, что значит сие изречение. Каждый говорил по своим силам; но старец каждому отвечал: “Нет, не узнал”. После всех он говорит авве Иосифу: “Ты что скажешь о сем изречении?” – “Не знаю”, – отвечал авва Иосиф. Авва Антоний говорит: “Авва Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю” (“Достопамятные сказания об авве Антонии”, 17).

Помни, молитва Иисусова и самоукорение, смирение спасут тебя от многих скорбей. Где бы ты ни был, заботься о чистоте сердечной через самоукорение и молитву Иисусову, и ты всегда будешь с Господом, как царь и пророк Давид говорит: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8). Когда тебе будет тяжело, будут скорби, тотчас начинай молитву Иисусову и смирай себя, и тебе скоро станет легче. Когда все это будешь исполнять, то “возрадуется” и возвеселится “сердце твое”, ты обрящешь мир и покой в душе твоей, и “радости твоей никто не возмет от тебя” (Ин. 16, 22).

Потом имей послушание и отсечение своей воли, которое нас оправдывает пред Богом. “Христос был послушлив даже до смерти, смерти же крестныя” (Флп. 2, 8). Много было земных мудрецов, и учения их были весьма высоки. Но до той мысли, чтобы смирить себя, никто не дошел. Только Христос явил Сам образ смирения и научил подражать Ему. Потому “Бог и превознесе Его и дарова ему Имя, еже паче всякаго Имене” (Флп. 2, 9). Только послушный преуспеет во всяком делании монашеском. Без послушания мы не спасаемся. Будь послушен, наипаче начальникам – Преосвященному, старцу. А теперь поздравляю тебя, “Что ти есть имя?”».

23 января 1911 года монах Игнатий был рукоположен во иеродиакона¹. В том же году он окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия, которую он получил за работу «В поисках Живого Бога. (Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) и его аскетическое мировоззрение)».

Как человек духовно чуткий, отец Игнатий остро переживал проблематику современной ему жизни и состояние богословской науки. В предисловии к работе он написал: «...Душевно-телесная природа падшего человека, принявшая внутрь себя яд греха и богоотрицания, сама в себе носящая зачаток разложения и духовной мертвости, положила печать плотяности и холодной рассудочности даже на самое “святое святых” человеческого духа – на его религию. Высшая и совершеннейшая из всех религий мира – религия христианская, благодаря постоянному колебанию современного общества между природами ветхого и нового человека, между настроениями плотской и духовной жизни, не воспринимается этим обществом как новая, принесенная Христом жизнь, а рассматривается только как одна из теорий или философем, порожденных

человечеством и удовлетворяющих его праздному любопытству или (в лучшем случае) его ученой гордости. К сожалению, эта печальная истина не только отрицается, но и не признается большинством христианских (даже православных) богословов. Эти последние, подобно евангельским книжникам и фарисеям, изучают различные типы христианской философии, исторический генезис и рост догматической системы христианства, фазисы его мировой истории, археологическую и филологическую структуру его памятников – и только. Христианства, как новой жизни, принесенной Христом для возрождения и обновления человечества, жизни, выводящей человечество из царства диавола в Царство Божие, большинство из богословов совершенно не касается и не знает. Духа Божия, Живущего и Глаголющего в христианстве, большинство из них не видит и не хочет видеть. Приговор Божий, произнесенный над допотопным человечеством: “не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть”, – со всею силою обрушивается на современное человечество и, в частности, на современную богословскую науку. Лишь немногие из богословов (и надо сказать, православных) довольно верно поняли и довольно точно подметили истинный смысл христианства, его истинную психологию и основу, его “душу”. Неразрывно с этим указанные богословы должны были подойти к вопросу об аскетизме, как единственно неизбежной и единственно возможной форме проведения святых христианских идеалов в наличную, пропитанную грехом, жизнь, – и поставить этот вопрос ребром. Таких богословов (богословов последнего типа) сравнительно немного, да и самый характер (аскетический) такого рода богословствования не особенно давний. Эти богословы не столько мыслили или философствовали о христианстве, сколько жили христианством. Если у них когда и бывало спекулятивно-умозрительное или философское изучение христианства, то только в силу необходимости, например в полемике с инославием и иноверием. Но и оно всегда выросло на почве их живого религиозного опыта и личного аскетического подвига и питалось корнями и соками этого последнего. К числу таких богословов-психологов или, точнее, богословов-аскетов принадлежит исследуемый нами Преосвященный Игнатий (Брянчанинов). Это был “богослов-самородок”, богослов, воспитавшийся не на школьных спекуляциях и философских умозрениях, а на опытном, самостоятельном изучении слова Божия и святых отцов, на опытном прохождении монастырского искуса и строгого религиозного подвига»².

В отзыве на эту работу ректор академии епископ Феодор (Поздеевский) писал: «...Что удалось преимущественно хорошо сделать отцу Игнатию – это воссоздать живой духовный облик святителя Игнатия. Чрезвычайно тонко и умело автор использовал все данные, касающиеся биографии святителя, к тому, чтобы пред читателем развертывалась не внешняя повесть его жизни, чрезвычайно разнообразной по месту служения, а тот внутренний процесс и духовный рост, какой неизменно совершался в личности и жизни этого святителя, где бы он ни был и какие бы условия жизни ни испытывал... В той части сочинения отца Игнатия, которую можно назвать биографией святителя, автор заявил себя и художником духовным, и поэтом, сумевшим в рамках обыденной жизни и в мелочах ее как бы в мозаике изобразить с необыкновенной живостью духовный облик и живую личность святителя. Дал, скажем, почувствовать как бы духовный аромат жизни этой личности...»³

31 июля 1911 года иеродиакон Игнатий был рукоположен во иеромонаха и через шесть дней получил направление в Томскую Духовную семинарию, где

должен был преподавать гомилетику, литургику и практическое руководство для пастырей. Однако, заболев, он не смог выехать к месту служения⁴. 31 августа иеромонах Игнатий подал прошение в совет Московской Духовной академии назначить его помощником библиотекаря, если таковая должность будет свободна⁵. 2 сентября помощник библиотекаря академии Николай Боткин подал прошение в совет Московской Духовной академии об освобождении его от этой должности ввиду полной невозможности исполнять свои обязанности из-за тяжелой болезни. 28 ноября иеромонах Игнатий был утвержден в должности помощника библиотекаря⁶.

В 1917 году он поступил насельником в Смоленскую Зосимову пустынь под руководство иеросхимонаха Алексия (Соловьева). 13 января 1918 года отец Игнатий был зачислен в число братии Московского Данилова монастыря. Наместник монастыря епископ Феодор (Поздеевский) назначил его духовником братии с несением одновременно послушания гробового иеромонаха у мощей святого благоверного князя Даниила Московского⁷.

5 апреля 1920 года отец Игнатий, по возведении в сан архимандрита, был хиротонисан во епископа Белевского, викария Тульской епархии.

Обращаясь к Патриарху Тихону и архипастырям, участвовавшим в его хиротонии, отец Игнатий сказал: «Ваше Святейшество, Богомудрые Архипастыри и Отцы Церкви Христовой!

Совершенно неожиданно достигла до меня весть о том, что я призываюсь к служению святительскому. Моя юность для служения архиерейского, моя неопытность в отношении жизни монашеской, духовной заставляют меня содрогаться при мысли о том, что я должен спасти не только себя, а и других, наипаче о том, что я должен отвечать перед Богом не только за свои грехи, а и за грехи других. Скажу прямо: назначение мое в архиереи застигло меня врасплох. И сейчас я не могу собрать своего ума и сердца, чтобы ясно и отчетливо понять, что мне готовится, что меня ожидает. Духовная немощь, переживание этой немощи, постоянный плач о грехах или постоянное укорение себя – вот в чем доселе я полагал, если не делом, то по крайней мере мысленно, принципиальную сущность своей монашеской жизни. И этих немощей, этих неисправностей в отношении монашеском я находил у себя очень много. Нечего говорить о духовном опыте, тем более об опыте административном, который как раз потребен епископу. Ни первого, ни второго я никогда не имел. И вот на таком своем духовном бессилии я возвожусь на высокий пост служения святительского. Я опасаясь, что я буду недостойным помощником Архипастыря Тульской церкви на ниве Христовой. Усердно прошу вас, Святители Божии: возлагая на меня свои архиерейские руки для низведения благодати Святого Духа, прострите о мне ваши молитвы, чтобы благодать архиерейства не послужила в суд или в осуждение моей грешной душе и не навлекла бы на меня грозного прещения Судии: “Не вем тя” (Мф. 25, 12)».

Город Белев, куда был направлен служить епископ Игнатий, имел в то время 12 тысяч жителей, занимавшихся по большей части небольшими кустарными промыслами. В городе было два монастыря: мужской Спасо-Преображенский и Крестовоздвиженский женский, четырнадцать церквей и городской собор. В женском монастыре в это время возник конфликт между игуменией и сестрами, отчего духовная жизнь пришла в полное расстройство. Владыка расследовал причины конфликта и в конце концов устранил их, вернув обители мир. Два года епископ занимался всецело благоустройством церковной жизни в викариатстве.

В 1922 году против Церкви, как против крепости, сторожившей пути спасения верных, выступили ее многочисленные и коварные враги, некоторые из которых хотя и вышли из Церкви, но уже давно не были с Церковью. Вступив в союз с безбожным государством, они выступили как грозная и разрушительная сила. Прежде всего, это были обновленцы, которые, устранив на время от управления Церковью Патриарха Тихона, стали захватывать епархиальные управления и епископские кафедры. Не миновала этих насилий и Тульская епархия. Здесь был арестован епископ Тульский Иувеналий (Масловский); узнав о его аресте, владыка Игнатий выехал в Тулу.

Епископ Игнатий

В июне 1922 года духовенство города Тулы избрало на Тульскую кафедру епископа Виталия (Введенского), который сразу же перешел к обновленцам. Епископ Виталий родился в Белевском уезде и всю жизнь прослужил в Тульской епархии священником. Он был делегатом от духовенства Тульской епархии на Поместном Соборе и с 1918 года председателем Тульского Епархиального совета. В 1919 году он был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита, в 1920 году хиротонисан во епископа Епифанского, викария Тульской епархии.

После избрания главой епархии епископа Виталия и приезда в Тулу члена обновленческого ВЦУ протоиерея Красницкого епископ Игнатий был вынужден уехать в Белев, откуда он стал управлять епархией, канонически подчиняясь Патриарху Тихону.

Тульская газета «Коммунар» так описывала деятельность Красницкого в Туле: «...протоиерей Красницкий предложил следующую резолюцию: “Собрание

тульского духовенства в числе 46 человек в присутствии епископов Виталия и Игнатия, заслушав доклад члена ВЦУ протоиерея Красницкого, признает учреждение ВЦУ вызванным жизненными требованиями нового Тульского Епархиального Управления”.

За резолюцию голосовали 24 человека во главе с группой прогрессивного духовенства, против – 5 человек... и 17 человек, вместе со смиренным Игнатием, – воздержались.

Итак, собрание показало, что большая часть передового тульского духовенства определенно заявила о нежелании вести дальше интриганскую политику против трудящихся, меньшинство эту борьбу против крестьян и рабочих не перестает вести, и значительная часть остановилась в раздумье»⁸.

28 июля 1922 года уполномоченный ГПУ по Белеву писал в секретный отдел ГПУ в Тулу: «Настроение духовенства города Белева и его уезда по отношению к советской власти в целом и в частности к коммунистической партии, а также к происходящему расколу Православной Церкви неудовлетворительно. Священники в целом стоят на платформе старой патриаршей Церкви, и происходящий раскол в Русской Церкви духовенство считает недоразумением и называет таковой провокацией коммунистов. Среди верующих духовенство никаких агитаций как за старую... так и за новую церковь не ведет. От проповедей на какую-либо политическую тему вообще и на тему изъятия церковных ценностей в частности духовенство воздерживается, так как суд над Иувеналием сильно подействовал на психологию белевского духовенства. В настоящее время духовенством в уездном масштабе избран церковный совет, в состав которого вошли самые отъявленные защитники старой реакционной Церкви... Названный совет... в сильной степени реакционный... а поэтому никаких мероприятий по проведению идей новой церкви не сделано...

На состоявшемся собрании духовенства 27 июля сего года обсуждался вопрос о новой и старой церкви, и... мнение духовенства выявилось в нижеследующей форме: православно-христианская религия с проведением в жизнь идей новой церкви рухнет, и большинство верующей массы останется безрелигиозной. Поэтому никаких мер к проведению новой церкви не принимать, а стараться противодействовать таковой впредь, до получения распоряжений от нового Всероссийского Церковного Собора.

Помимо указанного собрания, которое носило полуофициальный характер, замечено нелегальное собрание духовенства, на которое из частных граждан проникнуть не представляется возможным, почему и не представляется возможным провести на собрание разведчика или осведомителя и выяснить обсуждающиеся там вопросы. Для более успешного и определенного освещения вопросов, обсуждающихся на церковных и других нелегальных собраниях духовенства, были приняты меры к завербованию из среды духовенства. Но так как духовенство реакционное, пришлось положить много трудов в завербовании, после чего завербован один дьячок, который до сего времени работает удовлетворительно...

В заключение сообщаю, что уполномоченным обращено самое серьезное внимание на работу среди духовенства. Выделены специально пять человек осведомителей и старший по группе осведомления. Дальнейшее, как-то: настроение духовенства, деятельность такового и работа по таковом – органом уполномоченного ГПУ будет сообщаться ежемесячно...»⁹

Для борьбы с православными в Белев был послан уполномоченный ВЦУ по

Тулской епархии протоиерей Василий Никольский. 16 сентября 1922 года в Белеве был созван съезд священнослужителей и мирян уезда, на котором протоиерей Никольский пытался уговорить священнослужителей и мирян подчиниться обновленческому епархиальному управлению, усиленно убеждая собравшихся в правоте позиции обновленцев. Ему возражал епископ Игнатий. В конце концов обновленчество было осуждено на съезде как явление еретическое. Резолюция, предложенная представителем обновленцев, была отвергнута, а вместо нее был прочитан устав ново-учрежденной Спасо-Преображенской православно-церковной общины города Белева, в котором, в частности, говорилось: «Желая сохранить непоколебимыми все догматы, уставы и правила Святой Церкви Православной, верующие и священнослужители Спасо-Преображенской общины признали необходимым объединиться на следующем уставе, который основанием своим имеет Священное Писание и Священное Предание Христовой Церкви.

Мы, члены названной общины, как граждане Советской России подчиняемся всем законоположениям Республики, в делах же веры и Церкви считаем себя вполне независимыми...

Ввиду появления в Русской Церкви новых церковных течений, сошедших с канонических устоев Православной Восточной Церкви, направленных к потемнению и даже искажению вечных истин Христианства, мы, желая оградить себя от их вмешательства, надеемся на спокойную жизнь нашей общины при условии защиты со стороны советской власти, которая, согласно своим декретам, не допускает никакого насилия между отдельными церковными организациями...

Цель и задачи общины: распространение света Евангельского учения между христианами, которые в основу всей своей жизни ставят спасение своей души; нравственно-христианское воспитание верующих на основании учения Христа Спасителя и Его Церкви о любви и смирении и сохранение церковного Богослужения по уставам, созданным святыми отцами и подвижниками веры и благочестия.

Подчиняясь в духовном руководстве Преосвященнейшему епископу Белевскому Игнатию, община и в административно-церковном отношении подчиняется ему же без всякого стороннего средства, как того определенно требуют правила Святой Христовой Церкви»¹⁰.

На следующий день после съезда епископ Игнатий обратился с посланием к пастырям и мирянам Белевского викариатства, в котором писал: «“Благодать Вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа” (Гал. 1, 3).

Святой апостол Павел в своих посланиях верующим христианам заповедует им “достойно ходити звания, в которое призваны” (Еф. 4, 1) и “блюсти единение духа в союзе мира” (Еф. 4, 3), просит их твердо “стоять и держать предания”, которым они научились от святых апостолов (2 Сол. 2, 15).

С глубокой скорбью мы замечаем, что от Единой Христовой Церкви отделилась часть ее чад, основавших так называемую “Живую церковь”. Эта последняя, как уже было объяснено ныне в нашем граде всей нашей богоспасаемой пастве, своим неподчинением Богом поставленной церковной власти и самочинным изменением в строе церковного управления уклонилась и откололась от Единого Церковного Тела.

Тулское Епархиальное Управление, ставшее в связь с так называемой “Живой церковью”, тем самым также отъединило себя от Вселенской Христовой Церкви. Посему все распоряжения настоящего управления должны считаться

недействительными, и верующая Белевская паства по всем вопросам и недоумениям, также по делам епархиальным, должна обращаться к моему недостоинству, как к своему законному пастырю.

При богослужении, где следует, после имени Святейшего Патриарха должно возноситься непосредственно мое имя, как законного Епископа Белевского»¹¹.

В разъяснение послания владыка писал благочинным: «...Тульское Епархиальное Управление сошло с рельс церковной жизни, отошло от христианской Церкви, ибо стало на платформу так называемой “Живой церкви”. Посему все его распоряжения должно аннулировать... Мой настоящий архипастырский голос и предостережение сообщите вторично вверенному вам округу – духовенству, а через него мирянам... Разъясните духовенству и мирянам, что нужно держаться ограды Христовой Церкви и не бояться тех прещений, коими теперь страшат нас»¹².

29 сентября 1922 года сотрудник местного ГПУ писал в Тульское ГПУ о событиях церковной жизни в Белеве: «Сообщаем о наблюдении за съездом попов Белевского уезда на тему о новой церкви. Съезд проходил в Георгиевской церкви. Докладчиком был из Петрограда протоиерей Никольский Василий, на съезде присутствовали верующие от церквей. Следующий после докладчика выступал против новой церкви... Белевский архиерей Игнатий... После всего этого попы остались при старой Церкви, но заметно, попы колеблются, особенно сельские, и говорят: дайте нам подумать... В течение всего съезда подозрительного против советской власти ничего не было»¹³.

После рассылки по епархии послания епископа Игнатия началась беспощадная борьба обновленцев с Православной Церковью на территории Белевского викариатства. 8 октября уполномоченный ВЦУ протоиерей Никольский писал в ГПУ города Тулы: «Белевское духовенство, руководимое епископом Игнатием... обнаруживает все признаки контрреволюционной деятельности. Последнее явствует из следующего: уездный съезд духовенства отказался признать новое церковное течение, идущее в контакте с советской властью; на съезде явочным порядком введен устав так называемой общины... были произведены выборы новой игумении, хотя у нас, в Тульском Епархиальном Управлении, монастыри белевские считаются официально ликвидированы.

Поставляя о чем в известность Политотдел города Тулы, я, как Уполномоченный Высшего Церковного Управления, то есть лицо, ответственное за всякое контрреволюционное движение по губернии среди духовенства, заявляю, что за дальнейшее течение политической жизни в городе Белеве не отвечаю»¹⁴.

14 октября обновленцы отправили в ГПУ рапорт о том, что епископ Белевский Игнатий открыто и решительно заявляет, что единственный законный руководитель Церкви – Патриарх Тихон. Все же другие появившееся в настоящее время при поддержке советской власти органы управления считать незаконными и еретическими. «Доводя до сведения о сем Тулгуботдел ГПУ, – писал один из руководителей тульского обновленческого движения, – считаю долгом напомнить, что, благодаря такой агитации православного епископа, сеется в широких народных массах недоверие и нерасположение к советской власти. Патриарх Тихон – последний из разрушенного церковно-монархического здания, о котором история уже произнесла свой приговор. Поэтому говорить в данное время о законности Тихоновой власти – значит в то же самое время и говорить о незаконности существующей власти, а это называется определенно:

контрреволюция»¹⁵.

31 октября президиум обновленческого ВЦУ под председательством «митрополита» Антонина, заместителя председателя протоиерея Красницкого и мирянина Невского постановил уволить епископа Белевского Игнатия на покой с определением ему местожительства в Саровской пустыни.

21 ноября белевские монахи пригласили епископа к себе в монастырь служить. Он предупредил, что, если священники монастыря перешли к обновленцам, он служить с ними не будет. Затем он вызвал священников к себе и узнал от них, что они действительно перешли к обновленцам. Служить с ними епископ Игнатий не стал.

1 декабря 1922 года в Георгиевской церкви было устроено собрание обновленческого духовенства. Перед собранием один из обновленческих священников пришел к епископу Игнатию сообщить ему, что распоряжением ВЦУ он уволен на покой с назначением местопребывания в Саровской пустыни. Епископ через посланца велел передать собранию, что виновным себя ни в чем не считает, а в Сарове та же земля, что и здесь, и всем придется в землю идти.

На собрании обновленческого духовенства было прочитано распоряжение из Тулы обновленческого управления о том, что поминание новых обновленческих церковных властей должно быть введено со 2 декабря. После собрания была отправлена делегация из обновленческих священников просить епископа Игнатия, чтобы он или поминал обновленческое руководство, или не служил, по крайней мере в течение нескольких дней, включая праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Епископ на просьбу обновленцев ответил, что от службы не откажется, в крайнем случае будет поминать вселенских православных патриархов, но руководителей обновленчества ни в коем случае поминать за богослужением не будет.

В декабре один из осведомителей донес в ГПУ, что позднюю обедню 4 декабря на праздник Введения служил епископ Игнатий, который, как и раньше, поминал Патриарха Тихона. После обедни он сказал проповедь на тему праздника. Осведомитель попробовал было уговорить некоего иеродиакона Сергия, чтобы тот предложил епископу написать послание от лица населения в свою защиту, но иеродиакон возразил, что это невозможно, так как власть сочтет это за контрреволюционную агитацию. Продолжая расспрашивать, осведомитель выяснил, что уже есть православные, которые ходят по городу с письмом в защиту архиерея, под которым все, кто желает, ставят подписи.

12 декабря секретная сотрудница ГПУ писала в своем рапорте уполномоченному Тульского отдела ГПУ: «11 декабря я посетила квартиру епископа Игнатия; целью моего посещения было узнать, действительно ли среди поклонников Игнатия раздаются какие-то воззвания о принятии почитателями мер к оставлению Игнатия в Белеве. Епископу Игнатию мною предложен был вопрос, как он намерен поступить в дальнейшем по поводу его увольнения и назначения ему местожительства. Причем я ему напоминала, что во всех распоряжениях Тульского Епархиального Управления подчеркивается, что за неподчинение будете выселены из пределов губернии. Игнатий на это ответил, что он надеется, что все то, что происходит в Церкви, непременно в недалеком будущем изменится. А относительно выселения из пределов губернии, это не что иное, как запугивание... Я говорила Игнатию, чтобы в защиту против несправедливого постановления Тульского Епархиального Управления по отношению к нему предпринять меры и что в этом я охотно оказала бы свои

услуги в виде распространения воззвания. На это Игнатий сказал мне: делать сейчас ничего не надо, – благодаря выработанному у них уставу при организации общины, он как председатель будущей общины останется. Устав этот разносится для подписей»¹⁶.

В конце декабря уполномоченный ГПУ по Белевскому уезду направил рапорт в Тульский отдел ГПУ, в котором писал: «Раскол между черным и белым духовенством за отчетный период наблюдается в усиленном состоянии. Комитет общины Игнатия энергично ведет среди верующих агитацию, для этой цели члены общины в числе четырех человек выделены по части агитации... Община Игнатия исключительно опирается на монашество... 28 декабря Комитет белого духовенства назначил собрание с целью склонить монашество на сторону белого духовенства. Но провести последнему данное мероприятие не удалось, так как монашество присутствовать на данных собраниях Комитета отказалось, причиной этому – влияние агитации епископа Игнатия...

25 декабря состоялось собрание белого духовенства... по вопросу выбора Комитета для проведения в жизнь обновления церковной жизни. Комитет таковой выбран из числа пяти человек, то есть трех священников, одного диакона и одного псаломщика. После выбора Комитета последний тут же открыл свое заседание и поставил вопрос в боевом порядке по отношению общины Игнатия, и принципиально Комитетом вынесено постановление начать в первую очередь борьбу с епископом Игнатием и его черной общиной»¹⁷.

После того, как среди верующих стало широко известно, что обновленческое ВЦУ выпустило распоряжение о смещении епископа Игнатия с Белевской кафедры, они обратились к владыке с письменной просьбой не выезжать из города: «Покорнейше просим Ваше Преосвященство не покидать в настоящее смутное для Русской Церкви время наш родной город. Вся наша паства теперь особенно нуждается в Ваших святых молитвах и Вашем пастырском руководстве. Вы, Ваше Преосвященство, известны всем нам как строго православный Епископ, твердо стоящий на страже всех догматов, правил и канонов нашей Святой Христовой Церкви. Мы боимся, без Вашего бдительного ока, впасть в какой-нибудь раскол или даже ересь, потому просим или, вернее, требуем, чтобы наш любимый архипастырь разделил с нами все наши церковные скорби и волнения, ведя свою паству прямым, неложным путем к спасению души и к Господу Богу, как единственной цели жизни христианской. Мы, Ваше Преосвященство, готовы и сумеем постоять за своего Епископа, ограждая его от всяких посторонних насильственных воздействий...»¹⁸

Тогда же было созвано собрание членов общины, на котором брат владыки, иеромонах Георгий, зачитал присутствующим текст этого прошения к владыке, после чего на собрание был приглашен епископ Игнатий и верующие просили его принять общину под свое руководство. Епископ согласился. После общей молитвы епископ ушел домой, а верующие подписались под прошением.

Православными верующими было послано заявление в Белевский уездный исполком, под которым подписались сотни верующих Белевского уезда. Они писали властям: «Мы, верующие... любим и уважаем Преосвященного Епископа Белевского Игнатия, желаем иметь именно его своим церковным и духовным наставником и Архипастырем и никого другого не приемлем, а почему и просим Белевский уисполком поддержать наше свободное религиозное побуждение и защитить нас и нашего Епископа Игнатия от всякого насильственного действия с чьей бы то ни было стороны, и позволим надеяться на покровительство

гражданской власти в своем законном требовании»¹⁹.

Власти, однако, уже приняли решение об аресте епископа Игнатия, его брата – иеромонаха Георгия, наместника Спасо-Преображенского монастыря, а также наиболее близких к епископу людей, что и было ими осуществлено в январе 1923 года. Сразу же после арестов члены православной Спасо-Преображенской общины обратились к властям с прошением: «В ночь на 17 января сего года был арестован член означенной выше общины – Игнатий Садковский и препровожден в белевскую тюрьму для дальнейшего задержания. Принимая во внимание, что арестованный Игнатий Садковский в настоящее время страдает катаром правой верхушки легкого и правосторонним сухим плевритом на туберкулезной почве... и... содержание Садковского в тюрьме может крайне вредно отразиться на его здоровье, члены общины верующих... просят ГПУ подвергнуть Садковского медицинскому освидетельствованию на предмет определения, возможно ли по состоянию здоровья Садковского содержать его в тюрьме, и по заключению врачей освободить его из-под стражи и отдать на поруки верующих общины»²⁰.

Епископ Игнатий, однако, не был освобожден. Сразу же после ареста следователь ГПУ допросил владыку. Выслушав заданные ему вопросы, епископ ответил: «Община Спасо-Преображенского монастыря в Белеве была организована приблизительно в октябре, точно не помню, причем инициатором этой общины были верующие, каковые просили меня руководить духовно этой общиной, на что я, конечно, согласился, но просил верующих предварительно поставить в известность об этом гражданскую власть, на что верующие охотно согласились. После чего был выработан устав общины...

Прошение от верующих с просьбой не оставлять города Белева мною действительно было получено, причем о том, что такое собираются подать, я узнал заранее, но не помню, от кого точно. Получив упомянутое прошение и прочитав его, я ни с кем из верующих о нем не говорил.

Отобранные при обыске у отца Георгия, секретаря общины, заявления крестьян я лично не видел, но слышал, что крестьяне некоторых сел намереваются присоединиться ко мне и к моей общине, но каким путем они это делали, я не знаю, а равно не знаю, кто именно подал предъявляемые Вами мне заявления на имя Белевского уездного исполкома...»²¹

После допросов в Белевском отделении ГПУ все арестованные были переведены в тюрьму в город Тулу. Размышляя о всем происходящем на воле, о тех насилиях, которые готовы были совершить обновленцы, и о том, что церковные дела в Белеве без управляющего епархией могут прийти в большое расстройство, владыка 8 февраля написал письмо следовательнице, ведшей дело: «Ввиду продолжающейся все время телесной слабости, нездоровья, упадка физических сил очень прошу Вас разрешить мне встречу и беседу с Вами... Я был избран верующими и утвержден советской властью как руководитель церковной Преображенской Белевской общины, но не имел возможности на время ареста никому ни из членов Совета, ни из священнослужителей передать вместо себя своего поста и своих дел и обязанностей. И сейчас пост духовного руководителя этой общины остается незанятым, тем более, что я совестью и делом свидетельствовал Вам, что эта Преображенская церковная община точно построена на законах Республики и не имеет никаких незаконных замыслов и сторонних неправильных целей, – как и все ее деятели. Буду очень благодарен за исполнение мною просимого»²².

Рассчитывая, что епископ пойдет на уступки следствию, следовательница вызвала 19 февраля его на допрос и спросила, признает ли он виновным себя в предъявленном обвинении, а также как он объяснит некоторые обстоятельства, связанные с его деятельностью. Владыка ответил: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. О собирании подписей граждан к прошению на мое имя о невыезде из города Белева я действительно знал, то есть слышал от кого-то из граждан. О том, что бывший Патриарх Тихон предан суду за контрреволюцию, слышал, но действительно ли это так, я не знаю. Относительно своего воззвания к верующим о поминовении Патриарха Тихона скажу следующее: в сентябре 1922 года мною действительно было послано указанное воззвание, но я не знал в то время, что советской властью запрещено поминовение Патриарха Тихона, как контрреволюционера, и что поминовение его является вызовом советской власти... Я никогда никакой политической деятельностью не занимался и считаю это не своим делом, тем более не занимался контрреволюцией, дело мое было только церковное...»²³

Следствие по делу о контрреволюционной деятельности епископа Игнатия и близких к нему людей стало заходить в тупик, и следователи, пользуясь разного рода слухами, решили приступить к разработке другой версии. Дополнительным расследованием выяснилось, что брат епископа, иеромонах Георгий, бывший у него секретарем и теперь арестованный вместе с владыкой, в 1916 году призывался на военную службу, окончил Александровское военное училище, а затем был послан на фронт и в октябре 1917 года был произведен в подпоручики. В декабре 1917 года он при занятии города Яссы румынскими войсками был ранен, попал в госпиталь в Одессу, а затем в Новороссийск. В Новороссийске он заболел тифом, а когда выздоровел, город заняли войска белых, и он был ими мобилизован и назначен в штаб к дежурному генералу в Екатеринодар. Он воевал весь 1919 год в армии белых и в конце декабря был взят в плен вместе со своей частью в 600 человек под Царицыном. В плену он находился в течение трех с половиной месяцев под следствием, а затем был зачислен в Красную армию помощником командира роты и прослужил здесь до 1921 года. После окончания гражданской войны он, как воевавший у белых, нигде не мог устроиться на работу. Приехав в Москву, он на Сухаревском рынке купил чистый бланк, и продавец при нем проставил его имя, отчество и фамилию, увеличив на три года возраст, и таким образом, он, приехав к брату в Белев, смог по возрасту демобилизоваться. Имея от юности намерение принять монашеский постриг, он принял его от руки брата, который затем рукоположил его в сан иеромонаха.

Выяснив все это, следователи возбудили против арестованных новое дело по факту сокрытия прошлой контрреволюционной деятельности одного из них. Увидев, что им известно почти все о его службе в Белой армии, отец Георгий дал по этому поводу исчерпывающие показания.

В тот же день был вызван на допрос епископ Игнатий. Отвечая на вопросы следователя, епископ сказал: «О том, что брат мой Георгий... был приблизительно года три тому назад арестован, я слышал, но от кого именно, не помню; после его приезда ко мне я, кажется, слышал об этом и от него лично, причем он мне, кажется, говорил, что был арестован, но утвердительно сказать этого не могу... Вспоминаю, что по приезде ко мне в Белев брат Георгий говорил, что он уже демобилизован, и просил постричь его в монахи, так как у него к монашеству было стремление с юных лет...»²⁴

26 марта 1923 года епископу было предъявлено новое обвинение. На

другой день епископ Игнатий подал заявление следователю, в котором писал: «В дополнение к тому, что меня спрашивали по нашему делу, мне на память пришло следующее, что здесь и излагаю. Я слышал, будучи в Белеве, от некоторых верующих, что прошение ко мне от них написано по совету двух или трех коммунистов, имеющих отношение к местной власти... Время его подачи – именно тогда, когда живоцерковники думали меня перевести в другую епархию. Мне передавали, что некоторые из верующих по сему поводу советовались со знающими положение дела коммунистами, чтобы указали путь, как лучше поступить, чтобы избежать натиска живоцерковников...

От себя же лично я повторю (это я уже Вам говорил), что для себя существенного значения этому прошению я не придавал и не придаю, так как считал своим нравственным архиерейским долгом оставаться верным своей пастве и ни в коем случае не исполнять прихотей живоцерковников, даже если бы ко мне и не было прошения от верующих. Таким должен быть канонический церковный взгляд православного епископа, чтобы оставаться со своей паствой и не бежать от нее в трудные минуты, когда в недрах Церкви появляются разные неправославные течения. Так говорят правила и каноны Православной Церкви. Я, как епископ, должен исполнять эти каноны и установления церковные, почему должен был оставаться со своей паствой, если бы даже и не было этого прошения ко мне»²⁵.

13 июня следствие было закончено. Епископа Игнатия обвинили в том, что он скрыл у себя, по подложным документам, брата, бывшего белого офицера, и рукоположил его во иеромонаха с целью «замести следы». Следствие также обвинило его и в том, что он «является ярым сторонником бывшего Патриарха Тихона... и во время приезда в Тулу члена ВЦУ протоиерея Красницкого, когда большинство тульского духовенства признало ВЦУ, он остался с меньшинством, не признавшим таковое... Рассылал воззвания духовенству и мирянам, в которых предлагал считать недействительными все распоряжения Тульского Епархиального Управления, а также поминать при богослужении Патриарха Тихона и его, Игнатия. Когда после долгих колебаний белевское духовенство постепенно признало ВЦУ, то епископ Игнатий откололся и перенес свою деятельность в Спасо-Преображенскую общину при Белевском мужском монастыре. Вся община, до момента ареста руководимая епископом Игнатием, осталась сторонницей Тихона и не подчинялась распоряжениям Тульского Епархиального Управления»²⁶.

Хотя следствие было закончено, ОГПУ, однако, не пожелало ни отпускать обвиняемых, ни предавать их суду, тем более, что после освобождения Патриарха Тихона обвинение в поминовании на церковных богослужениях имени предстоятеля Церкви выглядело неубедительным, и сотрудники ОГПУ ожидали возможности приговорить осужденных внесудебным порядком. В это время стала действовать Комиссия НКВД по административным высылкам. 24 августа 1923 года начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков на заседании Комиссии сделал доклад, касающийся дела епископа Игнатия и иеромонаха Георгия, предложив заключить священнослужителей на три года в Соловецкий концлагерь. Предложение было принято, и епископ Игнатий и иеромонах Георгий были приговорены к трем годам заключения.

После приговора епископ был этапирован в Таганскую тюрьму, где вместе с другими заключенными стал ожидать этапа на Соловки. 14 сентября заключенные были отправлены в Соловецкий концлагерь.

По окончании срока заключения, в 1926 году епископ Игнатий был освобожден и вернулся на Белевскую кафедру. Сразу же после его возвращения к нему пришли обновленцы – выяснить позицию епископа и, если возможно, склонить к лояльному к себе отношению, надеясь, что нахождение в Соловецком концлагере подействовало на него в нужную для них сторону. Епископ отказался их принять, передав, что не желает беседовать с неправославными.

После того, как позиция архиерея определилась столь четко, обновленцы повели с ним беспощадную борьбу, и снова посыпались на него доносы в ОГПУ. В конце 1926 года сотрудники ОГПУ арестовали епископа. В заключении владыка пробыл около двух месяцев и был освобожден. Увидев, что власти освободили архиерея, обновленцы снова принялись писать на него доносы, и в 1927 году ОГПУ снова арестовало епископа. После двух месяцев заключения он был вновь освобожден. Так продолжалось до 1929 года, когда безбожное государство приступило к одному из решающих этапов своей деятельности по уничтожению Русской Православной Церкви.

В 1929 году из продажи стали исчезать основные продукты питания, и прежде всего хлеб, и одновременно с исчезновением продуктов была введена карточная система. Причем целые категории народа были лишены карточек и записаны в лишенцы, и среди них духовенство. Один из священников стал просить председателя Белевского горсовета, чтобы карточки все же были выданы, хотя бы детям. Председатель на это ответил, что он закон отменить не может и карточки выданы не будут.

Начиная с апреля 1929 года сотрудники ОГПУ стали целенаправленно собирать доносы на епископа Игнатия и вызывать на допросы лжесвидетелей. Особенно ОГПУ заинтересовалось богослужением, состоявшимся в Георгиевской церкви 4 февраля. В этот день совершалась память местночтимого святого Тульской епархии преподобного Макария Жабынского, и в храме собралось почти все духовенство города, около двадцати священников. Служили вместе с епископом Игнатием только несколько человек, а остальные молились, собравшись в левом приделе. По окончании литургии священники стали обсуждать ухудшение своего положения и вслух размышлять, что предпринять, чтобы, по крайней мере, не страдали их дети. Один из священников, подойдя к епископу за благословением, спросил, что делать при таких обстоятельствах. Владыка предложил послать представителя от белевского духовенства к заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед ВЦИКом об облегчении участи семей духовенства.

Присутствовавшие в алтаре осведомители представили обстоятельства, при которых проходила беседа епископа и духовенства, как нелегальное антисоветское собрание, на котором обсуждалось, как принести советской власти наибольший урон.

2 июля 1929 года Тучков распорядился, чтобы сотрудники Тульского ОГПУ произвели расследование деятельности епископа Игнатия и его брата иеромонаха Георгия.

13 ноября против епископа и его брата было начато дело. Владыку обвинили в том, что он 4 февраля собрал после службы в Георгиевской церкви нелегальное собрание духовенства из 17 священников, где обсуждались вопросы о притеснении духовенства советской властью, о невыдаче духовенству продуктов, о недопущении детей духовенства к обучению в школах, и что на этом собрании епископ выступил с речью, одобряющей действия духовенства.

26 декабря 1929 года владыка Игнатий и отец Георгий были арестованы и заключены в тюрьму в Туле. Через день следователь допросил епископа. Отвечая на его вопросы, владыка сказал: «В предъявленном обвинении виновным себя не признаю и поясняю... Мне неизвестно, что 4 февраля 1929 года в Георгиевской церкви города Белева происходило нелегальное собрание духовенства, и полагаю, что такового быть не могло, так как я знаю, что разрешения на собрания даются гражданской властью. Припоминаю также, что в этот день действительно, когда я выходил из храма, ко мне подошел кто-то из служителей, фамилии не помню, и спросил меня: “Мы хотим просить через духовную власть, чтобы наших детей учили в школах”. Я ему ответил, что это ваше дело, и, благословляя народ, направился домой»²⁷.

Вернувшись после допроса в камеру, епископ написал заявление, которое подал начальнику Тульского ОГПУ: «Я уже в четвертый раз обвиняюсь Тульским ОГПУ по одной и той же статье Уголовного кодекса – 58-й... и все эти четыре раза обвиняюсь исключительно по лживому политическому доносу... В своих письменных заявлениях, а также на допросах я просил Тульское ОГПУ привлечь этих политических лжецов... к открытому и гласному суду и дать мне с ними на этом суде или даже прежде этого суда очную ставку, чтобы вывести этих лжецов наружу. В своих заявлениях я указывал, что были лица (преимущественно среди главарей обновленческого раскола и подобных им отщепенцев церковных), которые даже не стеснялись предупреждать и запугивать арестами тех из нашего духовенства, кои не идут и не шли с ними по одной раскольнической и предательской дороге... В моей безусловно справедливой, правдивой и законной просьбе мне почему-то было отказано, но отказано без объяснения причин отказа! Гражданин Руднев, в то время бывший заместителем начальника Тульского ОГПУ, пред тем как отпустить меня из заключения, лишь только советовал мне “добровольно”(?) оставить город Белев, “так как, – говорил он, – эти доносы на вас будут опять повторяться и вас до бесконечности придется сажать”. Что и повторяется со мною теперь. Довольно странно такое заявление представителя власти! Разве он, как представитель власти, не мог пресечь и совершенно прекратить лживых и клеветнических доносов вместо того, чтобы предлагать мне сдавать мою прямолинейную и открытую позицию этим негодным клеветникам и лжецам и тем изображать из себя труса? А уполномоченная Тульского ОГПУ Киреева разве не указывала мне и моему брату, что политические на нас доносы шли из противного и лично не расположенного к нам духовного лагеря – лживых и фальшивых обновленцев?

Благодаря тому, что по моей спине можно удобно, а в случае желанья и не один раз в год проезжаться, и притом проезжаться совершенно безнаказанно для самих себя (для меня же эти “проезжания” стоят очень дорого, главным образом в отношении моего и без того слабого здоровья)... ныне, благодаря четырехкратному тюремному сиденью по лживому на меня политическому доносу, я потерял и последнее здоровье... сижу в сырости, в больницу за неимением места я не принят...

Я, гражданин начальник, теперь, в четырехкратное мое тюремное сиденье, в последний раз взываю к Вашей справедливости: прошу Вас безотлагательно вызвать указанных политических лжецов и клеветников, – и притом не только сознательно и заведомо клеветавших на меня в этот последний, четвертый раз, но и тех, кои также сознательно и намеренно клеветали на меня в 1922, 1926 и 1927 годах, – на очную со мной ставку и предать их, согласно 95-й статье

Уголовного кодекса, открытому и гласному суду. Я долгом считаю заявить Вам, что не позволю этим лжецам и политическим клеветникам играть со мною в темную и бесчестную игру, в какую они не один раз играли со мною доселе, и прятаться и пресмыкаться за дверями Тульского ОГПУ. Пусть эти лжецы и клеветники будут хотя бы и секретными агентами Тульского или Белевского ОГПУ, а не только простыми, рядовыми гражданами Республики, я безразлично от их отношения к ОГПУ потребую их к открытому и гласному суду, которого они... как огня боятся и обычно стараются избегать. Законы Республики одинаковы для всех граждан, независимо от того – агенты ли они Тульского или Белевского ОГПУ или нет. Всякий заведомо и сознательно лживый донос (будет ли он политический или нет) должен караться по всей строгости закона, – и притом для представителей или сотрудников власти гораздо строже, чем для всех прочих граждан.

Епископ Игнатий (Садковский). Тула, тюрьма ОГПУ. 1929 год

Параллельно с сим я прошу Вас, гражданин начальник, выдать мне подлинный текст лживого политического на меня доноса, имевшего место в этот последний, четвертый раз моего тюремного заключения, для снятия мною с него копии. Таковая копия для меня крайне нужна! Понятно, что этот текст лживого на меня политического доноса должен быть закреплен подписями прячущихся за дверями Тульского или Белевского ОГПУ негодных лжецов и клеветников.

Повторяю Вам, гражданин начальник, что настоящим заявлением... я ищу и искал от Вас не милости, а лишь только справедливости и правды, каковых со стороны представителей Тульского ОГПУ мне намеренно не было оказано при прежних моих арестах.

Если и в этот последний раз моих арестов и сидений мне будет отказано в

моей вполне законной и справедливой просьбе, – будет отказано только потому, чтобы эти политические лжецы, ставшие для меня моими личными врагами, остались не узванными для общественного мнения и тем самым безнаказанными, чтобы они по отношению ко мне могли бы и впредь до бесконечности заниматься своим заведомо фальшивым и подлым клеветническим ремеслом, другими словами, чтобы и на будущее время “обеспечить меня” систематическими и ежегодными арестами и сиденьями, – то я прошу Вас указать мне следующую за Вами политическую или судебно-политическую инстанцию, к которой я должен буду обратиться за разрешением моей законной и настоятельной просьбы, – чтобы раз и навсегда мне обезопасить себя от негодных и фальшивых политических лжецов и клеветников»²⁸.

19 января 1930 года сотрудники Тульского ОГПУ переслали материалы дела на владыку Игнатия и его брата, архимандрита Георгия, в 6-е отделение секретного отдела ОГПУ в Москву. В сопроводительном письме они писали: «Со своей стороны считаем необходимым изолировать Садковских из пределов Тульского округа, как наиболее реакционно настроенных, которые в связи с проведением кампании по закрытию церквей своим местопребыванием в пределах нашего округа имеют большое влияние на верующих»²⁹.

2 июля 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Игнатия и архимандрита Георгия к трем годам заключения в концлагерь. Владыка был заключен в Усть-Вымьский исправительный лагерь под Котласом.

2 июня 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить епископа с запрещением проживания в определенных городах. Владыка вернулся в Тулу и жил у знакомых священников. В начале 1933 года епископ встретился с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием, и тот назначил владыку епископом Скопинским, викарием Рязанской епархии, где правящим архиереем был в то время архиепископ Иувеналий (Масловский), которого владыка хорошо знал в бытность того правящим архиереем Тульской епархии; с ним он разделил и несколько лет заключения в Соловецком концлагере.

В 1935 году епископ Игнатий был арестован и приговорен к одному году исправительно-трудовых работ за привлечение к участию в богослужении молодого человека. Владыка подал жалобу на незаконный приговор, и тот был отменен.

В 1936 году начались аресты архиереев. Был арестован архиепископ Рязанский Иувеналий, а некоторое время спустя, 3 февраля 1936 года, епископ Игнатий и с ним некоторые священнослужители и миряне города Скопина. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму в Москве. Допросы продолжались в течение месяца. Владыку обвинили в создании контрреволюционной организации из духовенства и мирян Скопинского района, а также в том, что он определял на священнические места освободившихся из лагерей.

– В октябре 1935 года при встрече со священником вы говорили о положении Православной Церкви в СССР и, в частности, о церковных делах в вашей Скопинской епархии? – спросил его следователь.

– О положении Православной Церкви я ничего не говорил, я говорил только о своем тяжелом материальном положении, о пассивном отношении ко мне части духовенства, неусердия относящихся ко мне, как к епископу.

– Какие вы давали указания духовенству, обращающемуся к вам в связи с

закрытием церквей?

– В разное время ко мне являлись священники, которые докладывали мне о закрытии их церквей. Я им говорил, что ходатайства об открытии церквей дело не священников, а исполнительных органов при церквях – церковных советов.

– Приведите факты антисоветских разговоров со стороны обращавшихся к вам, как к епископу, подведомственных вам священников и монахов.

– Со стороны приходивших ко мне по делам священников и монахов никаких антисоветских разговоров в моем присутствии не было.

– Какие антисоветские указания вы давали приходившим к вам священникам и монахам?

– Никому из духовенства я антисоветских указаний не давал, и никто из духовенства по этому поводу ко мне не обращался.

– Ваши политические взгляды и отношение к советской власти?

– К советской власти я отношусь лояльно, но как верующий не могу сочувствовать мероприятиям советской власти в вопросе отношения ее к Православной Церкви, в частности насильственному закрытию и ликвидации монастырей и разрушению храмов, хотя и считаю это волей Божией за грехи верующих, которые достойны этого.

– Кого вы устроили на приходы своей епархии из священников и монахов, отбывших наказание за контрреволюционную деятельность?

Владыка перечислил священнослужителей, которых он назначил на приходы, пояснив, что он назначил на приходы вернувшихся из исправительно-трудовых лагерей священников согласно их прошениям.

– Какую цель вы преследовали, объединяя вокруг себя возвратившихся из ссылки контрреволюционно настроенных попов и монахов? – спросил следователь.

– Никакого объединения возвратившихся из ссылок священников и монахов у меня не было. Отказывать им в назначении, как и всем прочим священнослужителям, я не имел права, потому что все они имели положенные, как гражданские, так и епархиальные, документы.

– Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? – задал следователь последний вопрос.

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, – ответил епископ.

На этом допросы были закончены. Епископа Игнатия обвинили в том, что он, «пользуясь положением правящего епископа, группировал вокруг себя верующих и молодежь, среди которых проводил антисоветскую агитацию и распространял ложные контрреволюционные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 58, пункты 10 и 11 УК РСФСР».

16 марта 1936 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило епископа Игнатия к пяти годам ссылки в Северный край, и он был отправлен в Архангельск.

В 1937 году еще более ужесточились гонения на Русскую Православную Церковь, и 3 августа 1937 года епископ Игнатий в ссылке был вновь арестован и заключен в тюрьму города Архангельска.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам дать откровенные показания о вашей контрреволюционной работе.

– Никакой контрреволюционной работы я не вел и не веду, – ответил епископ.

Следователь попросил перечислить знакомых, с которыми владыка встречался в Архангельске. Владыка перечислил тех епископов и священников, с которыми он был знаком, разделяя с ними тяготы ссылки в Архангельске.

– Расскажите о контрреволюционной деятельности участников вашей группы.

– У меня никаких соучастников не было, и о контрреволюционной деятельности кого-либо я ничего не знаю.

– Следствие еще раз предлагает прекратить упорное заперательство и дать откровенные показания о вашей контрреволюционной деятельности.

– Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

15 октября 1937 года епископ Игнатий был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Многократные ссылки, заключения в тюрьмы, допросы, каторжная работа в лагере окончательно подорвали его здоровье. Епископ Игнатий скончался в Кулойлаге Архангельской области 9 февраля 1938 года и был погребен в неизвестной могиле на территории лагеря.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 369-398

Библиография

Московский церковный вестник. 1911. № 6. С. 149-151.

Голос Церкви. Ежемесячный церковно-общественный журнал. М., 1913. №1. С. 57-58.

Богословский вестник. 1912. Март. С. 316-317; Июнь. С. 521-522; Октябрь. С. 9.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 9-36.

РГИА. Ф. 802, оп. 16, д. 509, л. 19-20.

ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 3591, д. 5547.

УФСБ России по Тульской обл. Д. 11295, д. 11514.

УФСБ России по Рязанской обл. Д. 12257.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. 7799.

Примечания

¹ Московский церковный вестник. 1911. № 6. С. 149-151.

² Голос Церкви. Ежемесячный церковно-общественный журнал. М., 1913. № 1. С. 57-58.

³ Богословский вестник. 1912. Март. С. 316-317.

⁴ Там же. Июнь. С. 522.

⁵ Там же. С. 521.

⁶ Там же. Октябрь. С. 9.

⁷ ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 3591, л. 1-3; д. 5547, л. 1-11.

⁸ УФСБ России по Тульской обл. Д. 11295, л. 26.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ Там же. Л. 51.

²⁰ Там же. Л. 90.

²¹ Там же. Л. 109.

²² Там же. Л. 129.

²³ Там же. Л. 130.

²⁴ Там же. Л. 160.

²⁵ Там же. Л. 172.

²⁶ Там же. Л. 202.

²⁷ Там же. Д. 11514, л. 55.

²⁸ Там же. Л. 59-61.

²⁹ Там же. Л. 70.